

ВЛАСТЬ: СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

М.И. ВЕЛЛЕР

Что такое власть? Откуда она берется? Зависит ли от народа?

Мы вынуждены и обязаны вдумываться в значение затертых от банальности терминов, вспоминать и восстанавливать их.

Что такое «народ»? Это все люди, живущие в данной стране (местности, княжестве, племенной территории). Нас сейчас интересует не этнический и философский аспекты, но прежде всего политический и социальный. Так что же объединяет людей? Что же нам дает основания говорить, что это не масса, но народ? Это – один язык. Общность исторической судьбы. Гражданские права. Вложенный в эту землю труд предков. Противопоставление иностранцам и иммигрантам. Коренное или вполне натурализовавшееся население.

А что такое «власть»? Это отдельные люди, которые следят и обеспечивают, чтобы у народа все было в порядке. А как в порядке? А как договорились. Договоренность мы называем законами. А кто договаривается? Стоп: возможны варианты.

Один полюс – абсолютное народовластие. Все себе живут, работают, а как надо что-нибудь решить сообща – собирается весь народ под большим дубом и решает вопрос методом голосования, выслушав прецеденты от старцев и аргументы от умников. И решает такая стопроцентно народная власть: землю всем поровну, сто лучших воинов кормить за общественный счет, шаману – паек трех воинов, убийцу повесить. Меньшинство может быть несогласно с чем-то. Ну, и Бог с ним – нас-то больше.

Второй полюс – абсолютный авторитаризм. Страшный воин со своей командой зверски завоевал народ и стал деспотить и самодержавить. Как суверен он может любого наказать, а то и жизни лишить. Народ в нуле.

Что есть сущность и причина происхождения власти? Какова природа власти? На этот вечный вопрос есть конкретный и верный ответ. *Происхождение и причина власти – в энергоэволюционной сущности Вселенной: в системообразующем инстинкте человека, заставляющем его структурироваться в людские системы для коллективного совершения максимальных действий*, осознанно или стихийно делегируя при этом и для этого управленческие функции координирующим и руководящим структурам систе-

мы. Иными словами, власть есть продукт стремления человека к максимальным действиям. А максимальные действия возможны только коллективом, системой, племенным союзом, государством. Сущность власти не в том, что она заботится о человеке или государстве. Сущность власти в том, что она заставляет человека и государство совершать максимальные действия — объективно, даже если это против интересов отдельной личности и отдельного государства! Но подробнее о **философии энергоэволюционизма** — в другом месте.

Реальность всегда помещается между двумя крайностями.

Абсолютный авторитаризм невозможен — приходится привлекать министров, писарей, охранников, прочих, которые образуют аппарат государства и начинают потихоньку устраивать свои делишки, размывая государеву волю.

Но и абсолютное народовластие не получается! Ибо люди неодинаковы от природы — и вперед проталкиваются энергичные и честолюбивые, проныривают хитрые и жадные, пристраиваются подлые и расчетливые: и народ с некоторым непониманием убеждается, что какие-то вещи он делает против своего удовольствия и даже желания. Люди, являющиеся частицами его же, народа, убеждают и понуждают народ делать всякое не больно приятное. А власть начинает воспарять над народом, отделяться от него — прямо вот тут, на глазах, твой друг делается твоей властью!..

Через каких людей осуществляется власть? По возможности, через самых сильных, умных, честных, храбрых, решительных, «авторитетных». А какие они? Они — прежде всего люди повышенной жизненной силы, повышенной энергетики. Из этого следует — что? Что они на уровне инстинкта жизни стремятся сильнее прочих к максимальным действиям и максимальным ощущениям. Что наряду с обладанием разными доблестями они одновременно и к порокам более склонны, чем средний человек. Натура их такая: витальная и жизнелюбивая! А власть — она и для удовлетворения пороков дает больше возможностей, чем заурядное положение обычного человека.

Та же энергия, которая наделяет человека необходимыми для обладания властью доблестями, наделяет его удовлетворяемыми благодаря власти пороками.

Пороки наделенных властью лиц начинают мгновенно соответствовать масштабу доблестей и полномочий: они увеличиваются, как нарисованное на надувном шарике изображение. И очень быстро народ начинает испытывать неприязнь к власти: они не

с нами, чужие, много себе позволяют... И они уже не такие, как мы!

Власть по определению дистанцирована от народа.

Власть никогда не может быть «наша». Она всегда над нами. Она всегда хоть капельку, да противоречит тому, чего мы хотели бы для себя. Мы вечно забываем в ежедневности элементарную вещь: *власть — это не человек, власть — это функция*. Это такой регулятор-подстрегиватель по притиранию людей друг к другу, чтобы они жили в сообществе и более-менее тянули лямку в общую сторону.

И нет таких преступлений, которые не совершались бы ради власти. Убивали отцов и матерей, детей и братьев, своих людей без счета и чужих без меры. Вожди, цари, султаны и императоры понимали толк и вкус в этом деле. Шнурок на шею, камень в воду, голову на плаху и яд в стакан. Большая власть всегда стоит на крови — явной или тайной: чем выше к вершине пирамиды — тем беспощаднее конкуренция.

Но и на нижних уровнях — доносы, связи, подсидки и посадки. Всегда в избытке желающие занять место самого мелкого начальничка.

При этом достаточно понятно, что счастья власть не приносит. Она скорее подобна наркотику, чем лакомству: привыкание наступает быстро, и наслаждение обладанием тотчас сменяется разнообразными муками: страх потерять, трудность удержать, необходимость соблюдать массу процедур и выполнять кучу часто неприятных обязанностей; и чем больше ты делаешь, тем больше препятствий, несуразностей и всяких раздражающих моментов.

Если считать благом доброту, совесть, душевный покой, любовь, уверенность в завтрашнем дне и предельную свободу в поступках и проявлениях чувств, то во власти искать нечего. Властитель — чем выше стоит, тем в большей степени раб своего положения, и все его действия должны быть направлены к сохранению и упрочению своей власти, а то скovyрнут. Династические браки, политические дружбы, военные союзы и экономические решения: и окружение должно состоять из нужных и полезных людей, а не хороших и симпатичных.

Над феноменом власти люди мучительно размышляли от начала истории в основном на тему: ну почему же никак нельзя обойтись без авторитаризма, жестокости и злоупотреблений? Или: почему правитель явный дурак и ведет дело к гибели? как же так, ведь всем видно?

Итак.

1. В чем объективная сущность власти? Это самый простой вопрос. В координации усилий для совершения сообща максимальных действий. Чистый опыт: бригада шабашников на работе, никаких формальностей не требуется, все равны, причем честны, умелы, и командовать нечего. И все-таки выбирается старший, причем даже тогда, когда старшим быть никому неохота. В любом деле неизбежны какие-то вопросы, неувязки, разногласия, и по каждой мелочи устраивать общее собрание с разборкой и голосованием — и невозможно, и не хочется. Дело должно идти рационально, слаженно, для этого кто-то поопытнее и поумнее должен как бы чуть со стороны и сверху держать в виду весь процесс, и руководитель первым видит любой сбой или любую возможность улучшения дела, руководитель первым это видит, понимает и дает распоряжения.

Характеры у людей разные, воззрения на мир могут быть разные, а понятно, что действовать надо воедино, — и вот люди как-то оговаривают общие правила действий или даже просто себе их ясно представляют, если они несложны и очевидны, и для объединения себя в единую эффективную систему выбирают главного и сами условливаются в каких-то рамках его слушаться.

Так идет структурирование сообщества. Из хаоса в систему. Формируется равнодействующая разнонаправленных векторов сил, ориентирующая эти векторы в одном направлении, вроде стрелочек компасов. И чем экстремальнее ситуация, чем большее суммарное усилие необходимо развить, тем больше роль руководителя. Абсолютный пример — македонская фаланга: она способна была передавить и переколоть рассеянных противников без числа, но при условии мгновенного и всеобщего исполнения единого приказа всеми шестнадцатью тысячами фалангистов, сила фаланги именно в полной согласованности каждого шага, поворота, действия. «Лучше сто баранов, предводительствуемых львом, чем сто львов, предводительствуемых бараном», — справедливо сформулировал Наполеон, вполне понимавший во власти и войне.

Требуется объединение усилий, чему и служит централизация управления. Мы сложим себя в боевого слона, но кто-то должен быть слоновожатым — управлять, направлять, пришпоривать, говорить — кого бить и куда бежать. Оркестру нужен дирижер, вооруженной толпе — командир, городу — голова, староста, комендант, мэр, государству — король, премьер, президент, генсек или лорд-протектор. Армия, полиция, чиновники, крестьяне, ремесленники,

торговцы, судьи, и должен быть общий координационный центр, а самими координаторами тоже должен кто-то руководить, хотя бы на ограниченных договорных началах. Ну хоть временно, по-сменному, до выборов.

Объективная сущность власти – в централизации для совокупного совершения максимальных действий. В результате действия получается более значительное, чем если – кто в лес, кто по дрова.

2. Субъективная сущность власти. Это тоже несложно: стремление индивида к своей максимальной значительности через совершение максимальных действий и через максимальное признание значительности своей личности всеми окружающими.

а) Интенсивный уровень – как внутреннее осознание лидером себя и своей роли: я крут, круче всех. Все мне кланяются, уважают, побаиваются, я имею право на первый и лучший кусок. Казню, милую, приказываю. Да, я достиг в жизни максимума того, что вообще возможно, выше уже некуда, я могу делать больше, чем любой из людей. Если измерять свою самореализацию и самоутверждение через других людей, относительно них, – да, это предельная самореализация и предельное самоутверждение. Здесь инстинкт жизни проявил себя настолько полно, насколько вообще было возможно, если, значит, пользоваться окружающим людским масштабом, которым человек и пользуется всегда. Я – номер первый, чемпион, победитель!

б) Экстенсивный уровень – это уже не уровень субъективных ощущений, а уровень объективных действий властителя. Реальная значительность властителя огромна, ибо по своему усмотрению, желанию, приказу он может задействовать огромные людские массы со всеми их мозгами, силами умственными и физическими, наукой, техникой и деньгами. Античный раб совершает действия только посредством своей мускульной силы. Крестьянин – посредством также пары рабов и пары волов. Экскаваторщик подключает энергию сторания солярки и посредством машины роет больше сотни крестьян с их двумя сотнями рабов. Властитель же роет канал посредством сотни экскаваторщиков, строит город посредством десятков тысяч ремесленников, животных, рабов, машин. Завоевывает другое государство посредством тысяч воинов, крестьян, которые вырастили им хлеб, и ремесленников, которые изготовили им оружие, и т.д. Властитель реализует себя в предельной степени – через действия всего своего народа. По его желанию и замыслу явственно и на глазах переделывается мир!

В миллион раз увеличиваются все его личные усилия, передаваемые передаточным механизмом власти сверху вниз, в народ: тысячи людей устремляют свои мозги и силы во исполнение его усилия — строят, завоевывают, пашут.

3. Так что властолюбие — это естественная и предельная жажда самореализации и самоутверждения. Жить так, чтобы от моего желания в мире зависело как можно больше. Это предельное проявление инстинкта жизни — действовать посредством всех людей с их индивидуальными энергиями и возможностями. Больше уже просто некуда.

4. Заметим, что прямая власть — это экстенсивный способ самореализации, через явные и прямые действия, когда пирамида государственной власти служит редуктором, передающим и умножающим усилие, а весь народ — как бы рабочим механизмом.

Но есть еще два рода власти, вполне реальной, но не являющейся властью политической, властью в системе отношений людей.

Род первый — жена, фаворит, советник короля. Влияние на личность лидера, действие через него. Реже — потому, что ты умеешь доставить ему сильное удовольствие и вертишь им в своих интересах; чаще — потому что ты умный, и еще как сказать, использует ли король твой ум в своих интересах или это ты посредством своего ума используешь короля в своих интересах. Доступ к постели короля и доступ к уху короля. Здесь вся атрибутика власти — королю, но есть сознание того, что он — марионетка в твоих руках, а реально миром правишь ты. Эге: получается, что можно не уметь подчинять себе людей, расправляться с врагами, заставлять выполнять приказы, брать на себя всю ответственность за содеянное, но лишь умом изменять мир, используя чужую волю и силу.

Заметьте: советников всегда масса, не протолкнешься, и у каждого лидера — аппарат мозговиков. Вся энергия мозговика пошла в ум, условно говоря, но важнее, по жизни, умение скручивать людей в бараний рог или внушать им любовь и доверие. Ум возьмешь и напрокат за умеренную зарплату, а качества лидера — увы, надо иметь свои. Так что беспредельное властолюбие важнее. Но мощный и тонкий ум, стоя рядом с властью, реально делает умника тоже очень властным. «Серый кардинал» — тоже род власти.

Род второй — интеллектуал-ученый. Архимед, Бертольд Шварц, Оппенгеймер. Тихо сидя, изобретает такое, что мир переворачивается. Строго говоря, это тоже высшая форма самореализации, дающая ученому ощущение и сознание власти над миром. Вы ко-

роли? — а я вот кончу мастерить эту установочку, положу палец на кнопку и могу сделать такое, что вам и не снилось. В общем, ведь братья Райт в этом мире сделали больше, чем любой главнокомандующий ВВС вместе с министром воздушного транспорта. Власть человечества над воздушным океаном со всеми вытекающими, а вернее выпадающими и вылетающими отсюда последствиями, базируется на власти над воздушным пространством двух механиков из велосипедной мастерской. Это их власть!

Но говоря о власти, мы всегда имеем в виду в первую очередь и по преимуществу власть одного человека над другим — прямую и простую: власть казнить «серого кардинала», отобрать изобретение у изобретателя. Однако, говоря о сущности власти как самореализации через максимальные действия, просто нельзя не упомянуть тех, кто изобретал порох и подавал советы.

5. На чем стоит власть? С одной стороны, на добровольном и сознательном подчинении, с другой — на насилии и ломке любого сопротивления себе.

Власть может начинаться как сугубо добровольная: бригада единогогласно избирает бригадира. Может как сугубо насильственная — завоеватель подчинил себе соседнее государство. Может быть власть и как бы или почти большинства — демократические выборы с такими условиями процентной нормы для победителя, что достаточно бывает четверти населения «за» для победы: остальные голосуют кто во что горазд или просто плюют. А может быть власть и сугубого меньшинства, когда узкий круг князей долго препирается, кого ставить главным.

Но как только серьезная, на государственном уровне, власть становится властью, мощный аппарат армии, полиции, чиновников и пропаганды устраивает такую «пирамидальную вниз» клетку для народа, что подчиняться приходится волей-неволей: деваться некуда или в тюрьму.

А иначе и невозможно. Всем всего не объяснишь. На всех не угодишь. Со всеми дураками и эгоистами не договоришься. Со стороны-то умников, всех пружин не знающих и ни за что не отвечающих, всегда много, умников, которые знают, как надо сделать лучше в чем-то конкретном, но тут же эти умники окажутся беспомощными и несостоятельными, посади их наверх в центро-сплетения финансов, интересов разных внутригосударственных и внешних групп, интриг и неувязок.

а) А еще власть стоит на том, что людям **нравится подчиняться** и они **хотят подчиняться**. Они буквально-таки ищут подчинения.

Интеллигенты-демократы при этом тезисе могут взвыть о свободе как исконной тяге человека ко всему хорошему. Но свобода — это стремление человека к такому положению, при котором он может преобразовать максимум энергии, и не понимать этого (а чаще всего этого не понимали, кажется, до сих пор вообще не понимали) — не более чем недомыслие. И добровольно предпочитая подчинение свободе, человек использует свою свободу для свободного выбора такого своего положения среди других людей, которое дает ему возможность как раз реализовывать и преобразовывать максимум энергии и совершать максимум действий. В этом и состоит суть добровольного подчинения. И никакого противоречия свободы подчинению на самом деле здесь нет.

Индивидуальная свобода реализуется в свободном выборе подчинения. Это верно для подавляющего большинства людей. И чем экстремальнее ситуация, тем более явно и обязательно это проявляется. Когда царит мир, благополучие, спокойствие, все хорошо — тут и подчиняться незачем, каждый делает, что он хочет, безо всяких ограничений, коли это ему ничем не грозит. Но при любых совместных действиях нужна организация. А организация требует поставить кого-то во главе и встроить себя в организацию, исполнять приказы, а значит стать сильнее и значительнее как часть общего целого: организация тебя защищает, организация умножает твои силы, все ее возможности и заслуги распространяются и на тебя.

А тот, кто во главе — он сильный, решительный, храбрый, он берет на себя ответственность за решения, он способен сплотить толпу в мощную команду и протаранить любые препятствия. Встраиваясь в организацию под его началом, ты почти достигаешь его уровня храбрости и значительности, он теперь с тобой заодно, не даст в обиду, ты выживешь, победишь, а если и нет — имеешь на это максимальные шансы.

Это, значит, в том случае, если лидер делает или обещает делать примерно то, чего тебе и хочется. И ты согласен отказаться от мелких проявлений личной свободы: когда ложиться спать, кого посылать подальше, как именно делить еду, зато обеспечишь себе главное: значительность, победу, защищенность семьи, богатство, цель приличную и значительную.

«Командуй!», — кричит толпа вождю. «Придите и владейте нами!», — зывают ограбляемые всеми проходимцами селяне к конунгу с дружиной. И подчинение становится сладостным: теперь-то мы всем покажем! Каждый мелкий акт подчинения означает: я

твой единомышленник, я твой друг, я знаю, что только через подчинение мы становимся единой силой, управляемой единой волей, твоя воля — самая здоровая, босс, и всю свою волю я подключаю к твоей, которая теперь — наша единая и общая воля, и таким образом каждый из нас — часть большой силы, делающей большие дела, и умение подключать всю свою энергию к общей — это дело доблести и человеческой значительности.

Подчинение избавляет от нерешительности, незнания что делать, неуверенности в своих действиях и их результате, от сознания слабости своих сил, — состояний бесплодных, вредных. Подчинение придает смысл твоим действиям — у нас общая цель, я работаю на всю команду, это нужно всем.

А одобрение босса и товарищей есть прекрасный показатель значительности — меня признают, хвалят, я многого стою среди себе подобных, мне это нужно и мне комфортно. *Быть значительным объективно и ощущать себя значительным субъективно через подчинение — вот в чем суть подчинения, вот чем оно сладостно. И вот почему 99% людей его ищут.*

Для большинства, как давно и было замечено, полная личная свобода — тяжеловатое, плохо переносимое состояние: самому обо всем думать, самому за все отвечать, самому все знать. Для этого нужно много уверенности в себе, в своих силах, много храбрости и стойкости в одиночку противостоять другой силе, социальной или природной.

Так заключенные в лагерях сбиваются в «семьи» — одному не выжить, загрызут, помыкать будут, а команда защитит, и пусть пахан командует. И лишь очень здоровые и храбрые могут не примыкать ни к какой семье — «масть» этих одиночек называется там «один на льдине», он же — «ломом опоясанный». Это мало кого привлекает, и мало кому по плечу.

И умные лидеры всегда знали: людишки власть любят, хают и скрипят, а не могут без нее.

б. Почему люди подчиняются власти, даже если подавляющему большинству она совершенно не нравится?

А куда ты денешься? Выбор простой: или сломить голову — или в отведенных и разрешенных пределах жить сносно и реализовывать свои возможности: работа, карьера, благополучие, семья, подняться над некоторыми, и развлечься можно, и повеселиться. Да и с детства вбивается всеми средствами, что верноподданничество — дело чести, долг, обязанность, это морально, это хорошо. И даже если тебя гонят на войну, тебе не нужную и не понятную,

можно выслужиться, подняться, прославиться, уцелеть и вернуться с добычей, да и кругом тебя толпы тебе подобных — ну так все нормально, ребята, что ж делать: а полевой трибунал с расстрельным взводом всегда наготове. И энергии отдельных людей загоняются умелым правителем в нужные клеточки, и кресты Почетного Легиона для солдат и миллионные пенсии для маршалов подстегают армейские колонны. И всегда найдется место для храбрости, силы, ума, предприимчивости, любви, карьеризма, то есть, опять же, жить-то можно.

Но еще одно. Верность родине. Какая бы ни была страна, но моя родная. Я самоутверждаюсь как часть великого целого, и сам силен через принадлежность к этому целому. А раз в моей стране вот эта власть правит — что ж, это и моя власть. Вроде как дрянная у меня семья, ан все-таки свой дом, все-таки есть в нем и хорошее. Хуля мой дом, ты ведь объявляешь и меня ничтожным, глупым и неудачливым, мелким человечешкой. Но мне необходимо осознавать себя приличным, а не мелким человеком!

И человек начинает уже сам отыскивать в своей власти положительные черты, тем более, что пропаганда к его услугам. И находит. Тем более, что всегда и во всем можно найти что-то хорошее. Психология, понимаешь...

Если человек не может действовать иным способом, чем тот, который ему оставлен, он со временем начинает видеть в этом способе хорошие стороны. И чем большего в отведенной клеточке он достигает, тем больше, естественно, его устраивает эта жизнь.

Человек всегда измеряет полноту и достоинство своей жизни относительно жизни других: соседей в своем государстве и неких средних граждан в другом. И мысль, что он живет хуже, чем в других государствах, ему несносна, противна его психике, ущербляет его сознание, он стремится опровергнуть ее всеми возможными способами: нет, он более значителен, чем они! Они богаче? Ездят по миру? Могут высказывать свое мнение? Веселее выглядят? Зато мы храбрее, и больше любим Родину, и народ у нас умнее, вот просто по судьбе и истории нам не везет, понимаешь...

В обыденных условиях каждый норовит устроиться с властью так, чтоб жить получше, чтоб она мешала ему поменьше, а вообще плевать на нее, мы люди маленькие, а они там, наверху, все хороши, похоже. Но при столкновениях с врагом внешним верность власти — это форма верности дому и народу, форма предъявления своей личной значительности в противовес значительности врагов. Я не отрекусь от своего короля — можете казнить! (Фигура

неблагодарная этот король: и награды не дождешься, и страну профукал, но мой король — это символ моего достоинства, моего величия через принадлежность к короне, моей значимости как малой части великого целого, противостоящего вам, варварам, и головы мы перед вами не склоним, не дождетесь.)

а) Власть, как всякая сила, к чему-то прикладывается, чему-то противопоставлена: хоть враждебной группировке, хоть природе, в которой надо выживать через какие-то на ней действия.

И чем солиднее власть, тем сложнее она структурирована сверху вниз, в пределе — на государственном уровне. И каждый, кто занимает самую мелкую руководящую должность, самоутверждается не столько через подчинение (где как раз утверждаются над ним вышестоящие), сколько через свой маленький сектор власти.

Здесь, в масштабах завода, города, а особенно, конечно, государства происходят дивные вещи, когда маленькие люди посредством своих должностей отыгрываются на всех, кто зависит от них по роду их деятельности. Мелкий чиновник, автомеханик, продавец в силах либо попортить людям настроение, либо улучшить, в рамках своих полномочий делая что-то или не делая. Так что граждане демонстрируют друг другу свою значительность «по очереди», каждый в своем секторе.

Это немало мирит их с верховной властью, с которой они могут быть во многом несогласны. Нас давят — мы давим, жить легче.

Структурированная власть неизбежно организуется по принципу «разделяй и властвуй». Скажем, армия, военная полиция, политическая государственная полиция и криминальная полиция везде и всегда ненавидели друг друга, поскольку сферы их влияния всегда частично совпадали, накладывались друг на друга, соприкасались краями, и каждая структура несколько давила на соседнюю, надзирая за ней и будучи над ней в некоторой степени властной. В этой взаимной неприязни и столкновении функций они друг другу мешали, ослабляли, но одновременно и контролировали, не давая разрастаться и угрожать власти верховной.

Борьба властей «второго уровня» между собой неизбежна. Она почти всегда вредит конкретному делу, но полезна стабильности верховной власти. А одновременно отвлекает от недовольства верховной властью, конкретизируя это недовольство «по горизонтали».

7. Предъявляет ли власть какие-нибудь требования к личности властителя? Например, к его уму? Может ли правитель быть глупым, и может ли он быть умным?

Если правитель — наследный монарх, то все возможно: родился идиотом или родился гением. Но обычно имеются в виду лидеры выборные. Полным дураком он быть не может, будьте спокойны. Иначе бы не вылез. Если смог сделать такую карьеру, значит, не дурак. Если он кажется кому-то дураком, — ну, вы многого не знаете из закулисной механики, стоящей за его действиями и словами.

Но и подлинно умный человек наверху — большая редкость. Почему? Потому что, *при прочих равных, цели достигает тот, кто к ней сильнее стремился и кто был больше способен ее достичь*. Достигший власти человек — как правило, редкий умница по части достичь власти и удержать ее. Это дело первейшее, иначе обойдут конкуренты, скovyрнут, скомпрометируют. Умение говорить что надо и где надо, ладить с нужными людьми, обольщать и обещать, нравиться и запугивать — тут он умен.

А вот по части распорядиться властью правитель может быть совершенно зауряден. И то: он ведь вынужден пускать все свои умения прежде всего на то, чтобы добиться власти и удержаться. А править — это дело другое, тут многое может не нравиться народу, а многое — окружению лидера, да и пока он занят государственными делами, конкурент может все силы употребить на его смещение.

Поэтому наибольшая удача для народа — это умный и энергичный абсолютный монарх. Ему не приходится думать (условно предположим) об удержании власти, и все силы и ум идут на собственно правление. Но поскольку и монархи чаще были неумны, они были скорее незаметны на политическом поле.

Обычно же правитель — среднего ума человек, безмерно властолюбивый, очень умный и талантливый как карьерист; его цель — достичь места и сидеть на нем, в вопросах же отправления власти он вас, в общем, не умнее; огромный аппарат советников и профессионалов управления сидит под ним, и вообще может без него обойтись, но нужен кто-то на это координирующее место.

8. Может ли правитель быть хорошим человеком? Если у вас еще были иллюзии на этот счет, отдохните от них. Нет, не может. Есть желание — перечитайте Макиавелли.

Во-первых, хорошим — значит честным, добрым, верным, порядочным, высокоморальным. Тогда при столкновении прагматического интереса с моралью он должен предпочесть мораль, а победит в жизни тот, кто предпочтет расчет. Только и всего. Если для победы в деле и для достижения цели выгодно быть хорошим — будет хорошим, а надо солгать, предать, убить, подкупить, чтобы

подняться еще на ступеньку вверх — он и это сделает, и обойдет твоего хорошего человека.

Во-вторых, властолюбец — человек резко выше средней энергетики, ему от жизни многого надо, он многое может. А это сказывается во всех сферах чувств — властолюбец неизбежно жаден до удовольствий. Женщин! Вина! Украшений! Вилл! Да, Сталин или Франко были весьма скромны в быту, но, во-первых, это немногие исключения из общего правила, а, во-вторых, они обладали столь огромной личной властью, целая страна и так принадлежала им, что пьянящее сознание обладания всем становилось своего рода психологической компенсацией. Кроме того, они пришли к настоящей власти уже в весьма зрелом возрасте. Если же взять людей помоложе или ступенью пониже, вот там жадность ко всем проявлениям жизни разворачивается обязательно. Перелюбленный Кировым Мариинский театр, царские сокровища членов ЦК КПСС, постельные улады и коррумпированные миллионы американских президентов, и т.д.

В любом человеке сидит комплекс: если бы я был самым главным, — ух, я бы себя усладил, особенно если бы можно было сделать так, чтобы никто не узнал. Правители в этом отношении — точно такие же ребята, как ты. Только у них в самом деле есть средства. Вот и гуляют, мстят личным врагам, набивают карманы и продают друзей, если те уже не нужны или слово не так сказали. Нормально.

А кроме того, чем больше ты хочешь совершить, тем большее сопротивление тебе приходится преодолевать — сопротивление окружения, подчиненных, народа, ведь у всех есть свои личные интересы, которые они хотят сохранить и умножить. А Петр I гонит их воевать, флот строить, город возводить, людишек разоряет, судьбы гнет по своему усмотрению. А был бы добр и хорош, снизошел бы к слезам и горю человеческому и не стал бы реформировать государство.

Не говоря уж о войне, любые крупные военные учения — это неизбежные травмы и человеческие жертвы. А что делать: учений не проводить?.. За какое бы крупное дело ни брались люди, кто-то платил своими жизнями. Открытия земель, научные открытия и технические изобретения — везде гибели и везде лидеры, готовые брать на себя ответственность за смерть других. Какая уж тут «хорошесть»...

Резюмируя... Наши пороки суть продолжение наших достоинств (как бы за гранью на другой половине «цилиндра чувств»).

Лидер, человек повышенной энергетики, имеет и достоинства и недостатки крупнее средних. Но достоинства-то должны лежать в сфере деловой, конкретной, а недостатки — в сфере моральной, что делам только помогает или не мешает. Так что с моральной «хорошестью» есть большие трудности...

9. Власть развращает. Еще бы нет! Если все можно, так приотпускаешь тормоза желаний: возможности огромные, а имеющегося человеку всегда мало. И привычка приходит быстро.

Вдобавок власти льстят, поддакивают, угождают, и тебе очень быстро становится просто невозможно оценивать свои поступки: остается только внутренний критерий «хорошо — плохо», а с внешним миром и соотнестись невозможно по моральной шкале: что ни делай — все объявят хорошим и замечательным. На сотый раз поверишь этому.

Чудовище Калигула был до трона чудным мальчиком, любимцем армии и народа.

Поскольку человек при любой возможности двигает свои поступки в сторону получения сильных ощущений, а с привыканием требуются для ощущений той же интенсивности все большие действия, то человек во власти, границы возможностей которого изрядно расширены, наворачивает дел по принципу «дальше — больше». Царствование многих знаменитых и страшных деспотов было вначале кротким и человеколюбивым. Тот же Нерон, «дней Александровых прекрасное начало» и т. д.

10. Какого правителя любят? Того, который всегда может употребить власть тебе во зло, однако по собственному усмотрению употребляет ее тебе во благо. Того, кого побаиваются, никогда не забывая страх перед возможностью его гнева и немилости. Это напрягает чувства. Это рождает благодарность и умиление уже потому, что тигр мог бы тебя сожрать, а он тебе мурлычет и мясо носит.

Никого не любят так, как сильных и страшных, если убеждены, правдой или неправдой, что правитель о них заботится денно и ночно и сам любит их превыше всего. Гитлер и Сталин пользовались такой любовью широких масс, какая Рузвельту с Черчиллем и не снилась.

Ограниченного демократическими законами президента любят очень мало, и уважают не больше. А недостатков полно и говори что хочешь. Я тоже гражданин: что он мне сделает? А что он вообще может, что в нем толку, если собственным врагам не может головы откусить?

Масса уважает силу и обожает силу. Только меня не тронь! — и тогда я тоже за тебя душой и телом: я тоже велик и страшен хоть капельку причастностью к твоему величию и твоей страшности. А это мне лестно, приятно, значителен я.

Отношение массы к вождю сродни отношению детей к отцу. Любить просто хорошего, доброго и заботливого — для этого надо подрасти, понять, созреть чувствами. А так — как узнают дети, что отец сильный и грозный (значит, всегда оборонит от врагов, не даст пропасть), если на себе не чувуют иногда его страшного гнева?

Того хозяина больше любит выросший щенок, который его не только любил и заботой окружал, но и наказывал больно и страшно. Это факт, а не метафора, психологи-кинологи знают. Напряжение чувств, сильные ощущения, вектор которых суммируется в сторону любви; как не любить-то, свой все же, родной, кормилец, член семьи, вожак, — так и складывается модель психологического приятия.

Что происходило везде и всегда, где умный вроде и сильный правитель отпускал вожжи и начинал по-доброму заботиться о народе, ослабляя наказания? Презирали, бунтовали, не любили, смещали. Хоть Борис Годунов, открывший амбары народу и прекративший безбожные казни, хоть шахиншах Реза Пехлеви, смягчивший средневековые законы шариата, открывший бесплатные школы для всех, повысивший жизненный уровень затурканных подданных — вон кровопийцу! Даешь аятоллу! — война, паранджа, строем, нищие.

Любовь — чувство сильное. Правителя любить не за что, он не отец родной и не жена. Управляй себе, а работаю-то я сам и кормлю семью. Надо вызвать сильное чувство! А самое сильное чувство — это страх. И вызвать его — во власти вождя. Вот страх, если оказывается, что лично тебе бояться вроде — вроде! — нечего, впредь только веди себя хорошо, — этот страх и переходит в чувство с другим знаком, положительным, но такое же значительное по абсолютной величине — в любовь. И складывается эта любовь, на самом деле, из благодарности, умиления, трепета и причастности к величию. Любви не существует без возможности страдания! Возможность страдания — вот необходимая составляющая любви к тирану.

...Со всем почтением я испрашиваю прощения у научного сообщества за неподобающую вольность неуместного в академическом журнале стиля, за неоснащенность текста конкретными ссылками на конкретные места в многочисленных и переосмысленных ис-

точниках (основные из которых приведены ниже), и за выходящую за рамки сегодняшней традиции внешнюю краткость соображений автора о происхождении, сущности и функции власти.

ИСТОЧНИКИ

- Trotter W.* Instincts of the Herd in Peace and War. – Kessinger Publishing, 2006.
Веллер М. Все о жизни. – М.: ОЛМА-Пресс, 1998.
Веллер М. Кассандра. – СПб.: Пароль, 2002.
Веллер М. Психология энергоэволюционизма. – М.: АСТ, 2011.
Веллер М. Социология энергоэволюционизма. – М.: АСТ, 2011.
Веллер М. Человек в системе. – М.: АСТ, 2010.
Веллер М. Энергоэволюционизм. – М.: АСТ, 2011.
Дьюи Дж. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002.
Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Терра – Книжный клуб, 2008.
Конт О. Дух позитивной философии. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003.
Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995.
Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. – М.: Культурная революция, 2008.
Макиавелли Н. Государь. – М.: Эксмо, 2010.
Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999.
Ницше Ф. Воля к власти. – М.: Транспорт, 1995.
Оствальд В. Натурфилософия. – М., 1902.
Спенсер Г. Основные начала. – СПб., 1899.
Уайт Л. Избранное: эволюция культуры. – М.: РОССПЭН, 2004.
Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. В 2 т. Т. 2. – Минск: Харвест, 2005.

Аннотация

В статье автор исследует политический, социальный и эволюционный аспекты взаимоотношений общества и власти. Что такое власть? Откуда она берется? Каковы отношения между властью и народом? Что такое народ? Что объединяет людей? Кто и почему приходит к власти? Поискам ответов на эти вопросы посвящена предлагаемая статья.

Ключевые слова: власть, народ, народовластие, авторитаризм, системообразующий, свобода, подчинение, государство, лидер.

Summary

This article examines the political, social, and evolutionary aspects of relations between society and authority. What is an authority? Where does it come from? What are the relations between authority and people? What is a society? What does bring people together? Who and why comes to power? The article looks for answers to these questions.

Keywords: power (authority), people, democracy, authoritarianism, backbone, freedom, subordination, state, leader.